

ФУРАЖЕРЫ: ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Шипилов Андрей Васильевич — доктор культурологии, доцент профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин. Воронежский государственный педагогический университет. Российская Федерация, 394043 Воронеж, ул. Ленина, д. 86.
ORCID: 0000-0002-8885-2157
andshipilo@yandex.ru

Аннотация. Постиндустриальное общество аналогично доиндустриальному в том отношении, что экономика первого базируется на присвоении продукции роботизированного производства, а последнего — на присвоении продуктов, произведенных природой. Подавляющее большинство людей на протяжении почти всей истории человечества жили за счет охоты и собирательства, поэтому присваивающее хозяйство можно считать естественной формой жизнеобеспечения. Охотники и собиратели (фуражеры) с минимальными трудозатратами полностью удовлетворяли свои потребности за счет использования промысловых технологий, которые являлись настолько эффективными, что многие популяции и виды животных были истреблены. По сравнению с земледельцами фуражеры лучше питались и обладали лучшим здоровьем. Переход к производящему хозяйству не был исторически неизбежным. Неолитическая революция на самом деле являлась эволюцией — растянутой, прерывистой и неполной. Сохранившиеся до нашего времени в отдаленных местностях фуражерские группы и этносы отличаются позитивным психологическим самочувствием и считают свой образ жизни нормальным и правильным. С учетом современного тренда к «зеленой

экономике» исторический опыт охотников и собирателей заслуживает изучения и нового осмысления.

Ключевые слова: охотники, собиратели, питание, здоровье, неолитическая революция, присваивающее хозяйство, производящее хозяйство.

Ссылка для цитирования: Шипилов А.В. Фуражеры — естественный образ жизни // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 82–98. DOI: 10.31857/S023620070024829-8

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

Вместо введения

Вектор развития современного общества направлен в сторону цифровизации, роботизации и консьюмеризации, уводя наиболее технологически продвинутые страны и страты от труда и производства и подводя к «цивилизации досуга» и «обществу ренты». Автоматизация и роботизация экономики превращает ее из производящей в присваивающую, хотя присваивается сегодня не то, что произвела природа, а то, что произвели роботы. Хотя это еще не повседневная реальность, а только обозначившаяся тенденция, постиндустриальный человек начинает походить на доиндустриального в том плане, что основным занятием обоих является не трудовая, а социальная деятельность. И, если мы отходим от производства и подходим к присвоению, стоит вспомнить, как жили люди в условиях присваивающего хозяйства. Возможно, кое-что из этого покажется сегодня не только занимательным, но и привлекательным, а главное, приглашающим к размышлению о далеком прошлом и близком будущем.

Общество первоначального изобилия

Доиндустриальный период обычно понимается как аграрный, однако аграрным обществом, не говоря уже об охватывающей последние пять тысяч лет цивилизации, человеческая история далеко не ограничивается. За всю историю человечества на Земле успело появиться на свет около 110 млрд. представителей нашего вида [Кинг, 2018: 406], и с подавляющим большинством из них это случилось до перехода к производящему хозяйству. Человек кормился охотой и собирательством на протяжении почти всей своей видовой истории, и 90% людей, когда-либо живших на Земле, практиковали присвоение; только 6% поддерживали существование с помощью земледелия, и только 4% жили в индустриальном обществе с его уникальной трудовой этикой, которую в силу этого нельзя признать традиционной в сколько-нибудь длительной ретроспективе [Артемова, 2009: 125; Даймонд, 2009: 102]. Что

местные почвы и климат не удовлетворяли потребностям производящего хозяйства. В более ресурсно обеспеченных регионах и тогда, когда конкуренция/давление со стороны земледельцев и скотоводов отсутствовали или были недостаточно сильными, обеспечиваемый присвоением у природы уровень потребления мог быть заметно выше. Собственно, он и так был сравнительно неплохим: как замечает Г. Кларк, «британские батраки лишь к 1863 году достигли медианного уровня потребления первобытных обществ» [Кларк, 2012: 93].

Человек-охотник

Потребление охотников-рыболовов-собираателей обеспечивалось эффективными промысловыми технологиями — настолько эффективными, что с сегодняшней точки зрения их нельзя не признать хищническими. Комментируя книгу «Man the Hunter» (изданные в 1968 году материалы организованного двумя годами ранее Р.Б. Ли и И. ДеВором симпозиума), Й. Радкау пишет: «Если допустить, что история оставляет в человечестве долговременный отпечаток и что богатая яркими эмоциями охота оставляет более яркий след, чем собирательство, то человек (точнее — мужчина) должен по природе своей быть прежде всего охотником», а «охотники по сути своей настроены добывать столько, сколько могут добыть»; «у человека-охотника нет природного инстинкта, который призывал бы его к ограничению использования природных ресурсов» [Радкау, 2014: 75, 77]. Иными словами, частичное или полное истребление популяций, уничтожение видов в результате перепромысла исторически являлось нередким и закономерным результатом деятельности «человека-охотника». Man the Hunter охотится не только в силу необходимости, но и ради удовольствия, он добывает не только (не столько) *для чего-то*, но и *потому что* — потому что может. И если его возможности совпадают с желаниями, флоре и фауне грозят тяжелые потери, — чему, опять-таки, много примеров.

По мнению П.С. Мартина, Дж. Даймонда и ряда других исследователей, позднечетвертичное вымирание мегафауны стало прямым следствием деятельности человека разумного. Если в Африке и Евразии большинству видов удалось дожить до современности, то причиной этого было то, что последние два миллиона лет они эволюционировали в соседстве с родом *Homo*, а последние двести тысяч лет — с видом *Homo Sapiens*, и успели выработать страх перед человеком. Австралийские гигантские кенгуру, дипротодоны, сумчатые львы, гениорнисы, мегалании, квинканы, воманби

А.В. Шпилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

и еще несколько десятков видов млекопитающих, птиц и пресмыкающихся такого опыта не имели, а потому исчезли в течение нескольких тысяч лет после того, как в Австралии появились люди (более 40 тысяч лет назад) [Даймонд, 2009: 49–52; Дробышевский, 2018: 440–441]. Аналогично исчезли гигантские сумчатые после появления человека в Тасмании [Кабо, 1975: 28]. В Америке население культуры кловис расселилось по обоим континентам за одну тысячу лет (XII тыс. до н.э.), и уже к XI тыс. до н.э. здесь исчезли мамонты, мастодонты, слоны, верблюды, лошади, сайгаки, гигантские ленивцы, гигантские броненосцы, гигантские бобры и другие крупные животные. Северная Америка утратила 75%, Южная Америка — 80% видов крупных млекопитающих, что произошло, по некоторым оценкам, всего за 600 лет [Моррис, 2016: 95]. Словами Дж. Даймонда, «итогом встречи стала молниеносная война, блицкриг, в результате которой животные были истреблены, — возможно, в каждом отдельном месте это произошло не более чем за десять лет» [Даймонд, 2013: 437].

Такие блицкриги случались и много позже. На Мадагаскаре, который во II–V вв. заселили индонезийцы, спустя несколько столетий были полностью выбиты три вида карликовых гиппопотамов, гигантские лемуры-ленивцы, весившие до 200 кг, и нелетающие птицы эпиорнисы, некоторые виды которых достигали трех метров в высоту и 450–640 кг веса [Дробышевский, 2017: 406–407]. Маори начали заселять Новую Зеландию в середине XIII века; когда в начале XIX века к ним присоединились британские колонисты, на Северном и Южном островах уже не было ни крупных, ни мелких животных-эндемиков, кроме летучих мышей, а популяция морских котиков сильно сократилась. До прибытия европейцев (Новая Зеландия была открыта А. Тасманом в 1642 году) исчезли 28 видов птиц — летающих, как лебедь, пеликан, гигантские ворон и орел, и нелетающих, как большая утка, гигантские лысуха и гусь, а также птица моа. Не знаящие до того человека бескрылые птицы стали легкой добычей: маори массово истребляли их, запекая туши в земляных печах и выбрасывая ненужные части; на археологически изученных стоянках охотников обнаружено до 500 тысяч скелетов моа. Охотясь на птиц и собирая их яйца, маори полностью уничтожили все виды моа к началу XVI века — за три с половиной столетия, и только после этого стали уделять основное внимание подсечно-огневому земледелию: производить продовольствие стало необходимым потому, что присваивать было уже нечего. Такая же ситуация сложилась и на острове Пасхи, жители которого (рапануйцы) занялись птицеводством и мотыжным земледелием лишь после того, как все доступные для присвоения природные ресурсы были исчерпаны. Ставший следствием

последнего дефицит животного белка оказался настолько острым, что и маори и рапануицы практиковали каннибализм [Даймонд, 2008: 94–34; Даймонд, 2009: 135; Даймонд, 2013: 410–413].

Питание и здоровье: фуражеры vs земледельцы

Впрочем, такие эксцессы все же не являлись повсеместными и неизбежными и могли случаться по большей части с примитивными земледельцами и высшими (специализированными) охотниками, собирателями и рыболовами. На гораздо более широких территориях в продолжение гораздо большего времени жили группы неспециализированных фуражеров, чьи до-, а с неолита — внеземледельческие коллективы в полном смысле слова представляли собой «общество первоначального изобилия», так как их уровень потребления и состояние здоровья были как минимум не хуже, чем у земледельцев.

В свое время считалось, что первобытные (да и позднейшие) охотники и собиратели постоянно балансировали на грани голода и вымирания, и только переход к производящему хозяйству позволил человеку надежно обеспечить свое выживание и даже приобрести некоторый достаток [История, 1989: 31–32]. Однако наблюдения этнографов и исследования антропологов внесли в эти представления существенные коррективы. Как говорил в одной из своих лекций, прочитанных в 1986 году, К. Леви-Стросс, «сегодня нам известно, что “примитивные” народы, которые не разводят скот и не возделывают землю (последнее — разве что в зачаточной стадии), могут не знать гончарного ремесла и ткачества, живут главным образом охотой, рыболовством и собирательством в дикой природе, — не охвачены страхом голодной смерти и тревогой о том, как выжить во враждебной среде» [Леви-Стросс, 2016: 51]. В случаях климатических катаклизмов типа продолжительных засух фуражеры действительно голодали, но это вовсе не являлось нормой; обычно им вполне хватало пищи и они не страдали от недоедания [Крживицкий, 1925: 26–27].

Но дело даже не в количестве, а в качестве питания: рацион охотников и собирателей чрезвычайно разнообразен и включает в себя, как правило, до сотни и более видов пищи растительного и животного происхождения. (Кстати, шимпанзе — генетически ближайший родственник человека — употребляют в пищу до двухсот видов растений, а также едят термитов, муравьев, мед, птичьи яйца, черепах, птиц и мелких млекопитающих типа галаго, красных колобусов, мартышек и еще несколько видов приматов [Эттенборо, 1984: 158]). Так, в не слишком благоприятных

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

г, в том числе. 176 г животных, а у эскимосов — 200-400 г почти исключительно животных. По сравнению с ними у индейцев бассейна Амазонки количество общих белков в дневном рационе составляло 15 г, у папуасов — 8,5 г, у жителей Явы в районах культивации маниоки — 16 г, в районах культивации риса — 6 г. Животных белков в рационе аборигенов Тайваня — 8 г, у традиционных земледельцев Индии — от 2 до 5 г, у жителей ямсовых областей Нигерии — 2 г. Белковая недостаточность ведет к тяжелой дистрофии («квашиоркор»), которой часто страдают дети традиционных земледельцев, и безбелковым отекам у взрослых, к чему добавляются последствия гиповитаминозов и дефицита микроэлементов [Козинцев, 1980: 25–31].

В целом можно считать установленным, что по мере перехода от охоты и собирательства к земледелию и повышения доли растительной пищи, а в последней — продукции земледелия и особенно сельскохозяйственных монокультур, у соответствующих групп снижается основной обмен, уменьшается содержание холестерина в крови, меняется азотный баланс, учащаются дефекты зрения и слуха, уменьшаются показатели роста тела [Козинцев, 1980: 8, 27, 30]. Следствием перехода к земледелию стала грацилизация населения: если палеолитические охотники и собиратели территорий современных Турции и Греции имели средний рост 175 см мужчины и 165 см женщины, то неолитические/энеолитические земледельцы тех же регионов — 157,5 см мужчины и 152,5 см женщины; как отмечает Дж. Даймонд, «современные греки и турки все еще не достигли роста своих здоровых предков, охотников и собирателей» [Даймонд, 2013: 246]. «Средний рост — показатель качества питания, а также заболеваемости среди детей — в каменном веке был выше, чем в 1800 году», — подтверждает Г. Кларк; так же обстояло дело и в еще более поздние времена [Кларк, 2012: 15, 94]. В Российской империи в начале XX века средний рост новобранцев равнялся 163-165 см. В советской нормативной документации по пошиву одежды, относящейся к середине 1960-х годов, приводились такие цифры: I-й мужской рост — 152 см, II-й — 158 см, III-й — 164 см, IV-й — 170 см, V-й — 176 см; I-й женский рост — 140 см, II-й — 146 см, III-й — 152 см, IV-й — 158 см, V-й — 164 см; средние значения получаются 164 см для мужчин и 152 см для женщин [Шипилов, 2016: 552].

По крайней мере в некоторых отношениях фуражеры действительно выглядят более здоровыми, чем земледельцы, которым свойственны специфически земледельческие болезни — в первую очередь кариес, также цинга, рахит, гиперстоз, гипоплазия зубной эмали, железodefицитная анемия и др. Палеопатологические исследования населения долин рек Иллинойс и Огайо, перешедшего

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

Неолитическая эволюция

В свое время Г. Чайлд назвал переход от присваивающего к производящему хозяйству «неолитической революцией» [Чайлд, 2012: 60]). По масштабу произошедших вследствие этого перехода изменений это действительно революция, но вот по их временному темпу, широте распространения и глубине проникновения в географически-демографическом и социально-культурном смысле данный процесс можно было бы обозначить как «неолитическую эволюцию». Становление производящего хозяйства традиционно оценивалось как прогрессивный/позитивный переход от дикости к варварству на пути к цивилизации (или, по Г.Л. Моргану, от низшей к средней ступени варварства, которая началась «в восточном полушарии с приручения животных, а в западном — с возделывания растений» [Морган, 1935: 10]), однако в последние десятилетия прогрессивность и позитивность Neolithic Revolution поставлены под вопрос. К. Леви-Стросс признает, что возникновение земледелия было во многих отношениях явлением прогрессивным (увеличение количества пищи на единицу времени и пространства, возрастание численности и плотности населения, расширение сферы обитания), но, с другой стороны, отмечает в нем и черты регресса (обеднение рациона, повышение вероятности голодовок, распространение инфекций и т.д.) [Леви-Стросс, 2016: 83]. Что же касается более отдаленных последствий неолитической революции, то ими стали имущественное и социальное неравенство, господство и эксплуатация, войны за собственность и территорию и многое другое, поэтому Л. Тайгер заявляет, что переход к земледелию и скотоводству явился началом «всемирного грехопадения» и «производства мирового зла» [Артемова, 2009: 484].

Следует признать, что неолитическая революция была явлением достаточно неоднозначным. Но важнее не оценивать ее последствия, а понимать ее причины: ведь переход к производящему хозяйству не был исторически неизбежным, произойдя самостоятельно лишь несколько раз в нескольких регионах Земли под воздействием сложного сочетания экологических и социокультурных факторов [История, 1986: 271]). «Одомашнивание растений и животных вовсе не является исторической неизбежностью, которая по каким-то причинам задержалась в том или ином регионе, — считает Ф. Дескола. — Многие народы мира, как видится, вовсе не испытывали потребности в подобном перевороте» [Дескола, 2012: 73]. Некоторые не испытывают ее и до сих пор, так что, по мнению О.Ю. Артемовой, вместо вопроса о том, почему современные фуражеры не перешли к производящему хозяйству,

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

следует задаться вопросом о том, почему к нему все же перешли фуражеры древности? [Артемова, 2009: 487].

Трудно сказать, что именно руководило людьми нагуфийской и других культур, начавших переход к земледелию, однако несомненно, что это был процесс постепенный и долгий — в Передней Азии и Мезоамерике он занял 3-4 тыс. лет, в Европе — 3 тыс. лет; кроме того, он был неполным и обратимым [Кабо, 1980: 80–83]. Что касается этнографически изученных примитивных земледельцев, то они не столько земледельцы, сколько полуоседлые охотники-собиратели (или *hunter-horticulturalists* — «охотники-садоводы», или *shifting cultivators and hunters* — «земледельцы и охотники, склонные к перемене мест» [Панов, 2017: 413]), которые в определенный сезон задерживаются на одном месте на несколько месяцев, что дает возможность выращивать картофель, маис или маниоку. Но и у этих полуаграрных групп земледелие является непрестижным и в основном женским делом, тогда как охота практически всегда рассматривается как престижное мужское занятие. Как свидетельствует В. Тэрнер, у ндембу «мужчины очень высоко ценят охоту» [Тэрнер, 1983: 159]; «Охота на крупных наземных млекопитающих остается у мочика престижным занятием, — говорит Ю.Е. Березкин об одной из раннеземледельческих цивилизаций Перу. — Судя по изображениям среднего и финального периодов этой культуры, ею могли заниматься лишь знатные воины. В противоположность тому земледельческие работы сами по себе непрестижны» [Березкин, 1980: 109]. Да и в позднейшие эпохи вплоть до современности охота представляется делом доблестным и почетным, недаром в ней упражнялись и продолжают это делать представители социальной элиты [Веблен, 1984: 87]. Земледелие, напротив, воспринималось как что-то неестественное, подозрительное и предосудительное: например, у тайландских мрабри существовало поверье, что искусственное выращивание растений наказывается духами [Кабо, 1986: 112].

Вместо заключения

Жизнь, которую ведут сохранившиеся до наших дней в отдаленных, климатически и экологически неблагоприятных регионах охотники и собиратели, их вполне устраивает, они ей довольны — и счастливы, считая, что пребывают в достатке и благополучии, ведя единственно возможный и правильный образ жизни [Леви-Стросс, 2016: 92]. Как свидетельствует Д. Эверетт, индейцы пираха постоянно смеются и улыбаются, у них «нет и следа депрессии, хронической усталости, крайней тревожности, приступов паники

и других психических недугов, обычных во многих индустриальных странах» [Эверетт, 2016: 299]. Можно заметить, что по мере того, как индустриальное общество превращается в постиндустриальное, начинает привлекать внимание не просто доиндустриальный, а доаграрный образ жизни. «Одно из главных открытий, сделанных мной за те без малого тридцать лет, что я преподаю домодерную историю, состоит в том, что студенты в большинстве своем с трудом способны понять “Аграрию” и ее ценности и еще менее способны полюбить их, — замечает И. Моррис. — Напротив, собиратели и их ценности нередко кажутся... молодежи весьма привлекательными» [Моррис, 2017: 247]. В последнее время много говорится о «зеленом тренде» к соответствующего цвета экономике, предполагающей снижение роста ВВП или даже отрицательный рост и ограничение потребления; трудно сказать, насколько все это реально и должно, но нельзя исключать, что действительно *future could be greener than we commonly assume* [Schwab, 2020: 47–50, 113]. Разумеется, речь не идет о том, что мы снова вооружимся луками и копьями и начнем жить охотой и собирательством: при уже почти восьмимиллиардном населении Земли и прогрессирующей деградации биоценозов это по понятным причинам невозможно. Речь идет о том, что, возможно, социальный идеал от развития должен будет сдвинуться к равновесию; статика станет нормой вместо динамики, и экспансия сменится гомеостазом. Вполне вероятно, что второе присваивающее хозяйство потребует ментально-аксиологических изменений, приводящих мышление и поведение людей в положение, аналогичное условиям первого, и здесь фуражерский опыт может оказаться востребованным, почему и заслуживает исследовательского внимания.

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

Foragers: a Natural Way of Life

Andrey V. Shipilov

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor.

Professor, Department of Philosophy, Economics and Social Sciences.

Voronezh State Pedagogical University.

86 Lenin Str., Voronezh 394043, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8885-2157

andshipilo@yandex.ru

Abstract: Postindustrial society is similar to preindustrial in the sense that the economy of the former is based on the appropriation of products from robotic production, and the latter is based on the appropriation of products produced by nature. The vast majority of people throughout almost the entire history of mankind lived off hunting and gathering, so the

Diamond J. *Mir pozavchera. Chemu nas mogut nauchit' lyudi, do sikh por zhivushchie v kamennom veke* [The World Until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies?]. Moscow: AST Publ., 2016.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2009.

Diamond J. *Ruzh'ya, mikroby i stal': Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Moscow: AST Publ., 2009.

Даймонд Дж. Третий шимпанзе. Эволюция и перспективы человеческого животного. М.: АСТ, 2013.

Diamond J. *Tretiy shimpanze: Evolyutsiya i perspektivy chelovecheskogo zhivotnogo* [The Third Chimpanzee: The Evolution and Future of the Human Animal]. Moscow: AST Publ., 2013.

Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Descola Ph. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond Nature and Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012.

Дробышевский С.В. Достигающее звено. Книга вторая: Люди. М.: АСТ, 2018.

Drobyshevskiy S.V. *Dostayushchee zveno. Kniga vtoraya: Lyudi* [The reaching link. Book Two: People]. Moscow: AST Publ., 2018.

Дробышевский С.В. Достигающее звено. Книга первая: Обезьяны и все-все-все. М.: АСТ, 2017.

Drobyshevskiy S.V. *Dostayushchee zveno. Kniga pervaya: Obez'yany i vse-vse-vse* [The Reaching Link. Book One: Monkeys and Everything, Everything, Everything]. Moscow: AST Publ., 2017.

История древнего мира. Ранняя древность. М.: Наука, 1989.

Istoriya drevnego mira. Rannaya drevnost' [Ancient world history. Early antiquity]. Moscow: Nauka Publ., 1989.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.

Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoy rodovoy obshchiny [The history of primitive society. The era of the primitive tribal community]. Moscow: Nauka Publ., 1986.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.

Kabo V.R. *Pervobytnaya dozemel'del'cheskaya obshchina* [Primitive pre-farming community]. Moscow: Nauka Publ., 1986.

Кабо В.Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980.

Kabo V.R. *U istokov proizvod'yashchey ekonomiki* [At the origins of the producing economy] *Rannie zemledel'tsy* [Early farmers]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. P. 59–85.

Кабо В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975.

Kabo V.R. *Tasmaniytsy i tasmaniy'skaya problema* [Tasmanians and the Tasmanian problem]. Moscow: Nauka Publ., 1975.

Кинг Б., Лайтман А., Рангасвами Дж.П., Ларк Э. Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес, 2018.

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

West Rules — For Now. The patterns of history and what they reveal about the future]. Moscow: Kar'era Press Publ., 2016.

Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Morris I. *Sobirатели, zemledel'cy i iskopaemoe toplivo. Kak izmenyayutsya chelovecheskie cennosti* [Foragers, Farmers, and Fossil Fuels. How Human Values Evolve]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara Publ., 2017.

Панов Е.Н. Человек — создатель и разрушитель: Эволюция поведения и социальной организации. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017.

Panov E.N. *Chelovek — sozidatel' i razrushitel': Evolyutsiya povedeniya i sotsial'noi organizatsii* [Man – Creator and Destroyer: The Evolution of Behavior and Social Organization]. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK Publ., 2017.

Панов Е.Н. Человек стреляющий. Как мы научились этому. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019.

Panov E.N. *Chelovek strelyayushchiy. Kak my nauchilis' etomu* [The man is shooting. How we learned this]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2019.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Radkau J. *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and Power: A Global History of the Environment]. Moscow Publishing House of the Higher School of Economics Publ., 2014.

Салинс М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

Sahlins M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Moscow: OGI Publ., 1999.

Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989.

Semenov Yu.I. *Na zare chelovecheskoy istorii* [At the dawn of human history]. Moscow: Mysl' Publ., 1989.

Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

Skott J. *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevneyshikh gosudarstv* [Against the Grain. A Deep History of the Earliest States]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS Publ., 2020.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka Publ., 1983.

Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). М.: Наука, 1991.

Faynberg L.A. *Okhotniki Amerikanskogo Severa (indeytsy i eskimosy)* [Hunters of the American North (Indians and Eskimos)]. Moscow: Nauka Publ., 1991.

Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.

Harari Y.N. *Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad Publ., 2016.

Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2012.

А.В. Шипилов
Фуражеры:
естественный
образ жизни

